

Наверное, и не спала, раз ульшала. Или спала так, как привыкла при внезапных обстрелах и ночных бомбёжках: снов не вспомнить. Ветер выл и скрёбся, набрасывался на хату оголодавшим волчарой. Бился в ставни, с треском сдирал наледь из-под крыши и напрочь выстужал трудно давшееся, накопленное за день тепло.

Из хлева давно не подавала голос Рёва – их корова-трёхлетка. Одна и выжила скотина в хозяйстве. Выйти – глянуть, а то всё равно не уснёшь... И тут же Аля разобрала сторонний, отличный от метельного буйства звук: кто-то негромко стукнул в ставню. Подождал и стукнул ещё раз.

Аля оглянулась на бабушку Василису – её сиплое дыхание доносилось от печи всё так же размеренно. Осторожно, не скрипнув половицей, подошла к окну. Знала, где из ставни выпал подгнивший сучок. Напрягая глаз, взгляделась в круг снежного крошева. Под яблоней, прямо в сугробе, в двух шагах от окошка стоял кто-то в сером.

Время от времени крутил головой. Один вроде. Оружия при нём не видно.

Решившись, Аля так же бесшумно прокралась к двери и, откинув крючок, выскользнула наружу. Махнула рукой. Человек в сером приблизился. Он оказался парнем одного с ней роста. Глаза смотрели пристально, блестели из-под низко надвинутой шапки.

– Ты откуда? – прошептала она.

– С дороги сбился, – приятный голос, чуть охрипший. – А что за деревня?

– Тетеево, – назвала Аля.

Да, странно всё-таки они называются.

– Значит, крюк сделал, – вслух прикинул парень, – вёрст на двенадцать. Всё перекрыли.

Аля, лучше привыкнув взглядом к темноте, взгляделась в парня. Совсем пацанёнок. Щёки впали, скулы заострились. Руки прячет от холода. Смотрит.

– Пошли, – позвала она и кивнула на хату.

– Никого там?

– Считай, никого. Я и бабушка.

Он пристукнул валенками друг о друга, стряхнул снег с плеч, ещё раз быстро огляделся и шагнул в хату.

– Только тише, – на всякий случай шепнула Аля.

Но сипящее дыхание уже сбилось – бабка приподнялась на локте:

– Кого привела?

– Свои, баб Вась.

Бабка закашлялась:

– Кто тебе свой?.. Ась?.. К нам хочет? Уходи!.. Христом Богом прошу или кем хочешь – уходи только. Не один наш дом, чай? А что крайний возле леса – так здесь же сперва и искать будут... Приходили уже из-за таких вот, в подпол бомбу кидали, не было там никого, а всё разворотили, образ со стены стрясло, и печка вон треснула. Не простят ей тебя. А мне, старой, грешным делом, сразу тогда в петлю лезть. Уходи!..

Её лицо выжидающе белело в темноте.

– Ладно. Пойду, что ли, правда.

– Пойдём, провожу, – запахнув ватник, сказала Аля.

Они вышли.

Сквозь метель из-за дальнего поворота дороги мелькнуло пятно света. Фонарь – мощный, армейский.

Идут сюда. По занесённой дороге мимо старой церкви, в которой давно никто не служил. Там устроили было оружейный склад, но недавно его тряхнуло бомбами, и оружие на подводах под охраной мотоциклистов перетянули куда-то к городу.

Аля с парнем переглянулись. Она подтолкнула его в сторону хлева.

– Скорей, скорей... – потора-

пливала, стараясь ступать за ним след в след.

У входа под навесом небольшим стожком стояло всё сено для Рёвы. Позавчера Аля сгребла его скопом.

– Залазь давай, – приподняв большую охалку, приказала она. – И там сиди.

Парень неожиданно проворно юркнул внутрь. Не видно его. Аля по тем же следам бегом вернулась в хату.

...Собак с ними нет? А если будут, что тогда?..

Накинула крючок. Сбросила ватник. Меньше чем через минуту донёсся близкий шум. Несколько отрывистых команд и хриплых криков. Тяжёлые, будто бревном, удары в шаткую дверь.

Аля едва успела откинуть крючок и сразу почувствовала резкий толчок повыше груди. Сдавленно, перехваченным дыханием, застонала и свалилась бы на пол, если бы чья-то крепкая лапища с цепкими пальцами её проворно не подхватила.

От лапищи сильно воняло табаком и меньше порохом.

– Wo ist er?.. Der Mann?.. Diversant?..¹ – её осыпали вопросами, будто пригоршнями сухого гороха.

За долгие месяцы войны Аля стала понимать некоторые слова по-немецки, но никому в этом не признавалась.

– Ты это – аккуратнее. Назад поди! – голос показался Але знакомым.

Она очнулась и с усилием открыла глаза, чтобы убедиться.

Да, табачная лапища с белой повязкой над локтем принадлежала Пахому, старшему полицая из

¹ (нем) Где он? Мужчина? Диверсант?

соседнего села. К немцам он перешёл сразу после начала войны и их стремительного наката на вчера ещё советские земли; перешёл, не колеблясь, будто давно ждал. Под партизанские пули не рвался, но служил исправно. В здешних местах знали или слышали о нём почти все.

– Чего стал? Шаг назад. Ну! – продолжил Пахом.

Автоматчик отступил.

– Ты не пугайся, – по-отечески обратился Пахом к Але и ободряюще улыбнулся.

От встречного ветра и снега глаза у него были красные, усы заледенели. Он протянул ей портсигар с дорогими папиросами:

– Будешь?

Она мотнула головой:

– Н-не курю.

Пахом раздумал доставать папиросу себе и засунул портсигар обратно в карман.

– Плохо с хавкой у вас? Так ведь?..

Аля невольно кивнула. Пахом наклонился к ней:

– Хлеба хочешь – шесть булок свежих?.. Тушёнки? Сахара?

Представив, она сглотнула слюну.

– Будет завтра же, с утра.

Наклонился вплотную:

– Где человек-то?.. В каком углу?.. Намекни, и не скажу никому про твоего сокола – где он там и как комиссарствует...

Аля укусила себя за губу, но почувствовала, что левая рука как будто сама готова указать. Пахому этого хватит, он сообразит. А если с собакой, найдут всё одно. Неподдалёку со свистом приземлился и рванул снаряд. Пахом и автоматчик вздрогнули.

Старуха, сидевшая на топчане, не спуская ног, вдруг осмелела.

– Гонют вас, – прокаркала она, прибавив что-то не слишком внятное, но задорное, с матюком.

Рука младшего полиция сама дёрнулась к затвору, но Пахом тут же с досадой отвёл её:

– Патроны береги... – и громко: – Временные трудности. Рейх непобедим. Пускай ещё небо покоптит – сама увидит.

В хату вошёл ещё один немец, судя по выправке – унтер или выше. Уверенным движением он скинул капюшон и привычным голосом отдал команду.

Вбежали ещё четверо автоматчиков. Обшарили углы, высветили подпол, пошерудили ухватом в печи, один влез на чердак. Старуха глядела молча.

– Здесь никого, – объявил младший полицией.

Прихватив Алю, вывалились из хаты. Собак с ними нет, сообразила она. *Собак нет!*

– Чьи следы? – спросил Пахом другим, резким голосом и указал в сторону хлева.

Следы почти замело, осталось несколько едва приметных лунок.

– Корову глянуть ночью выхожу.

– Поглядим, что за корова...

Полициаи приблизились к стожку. Автоматчики осветили хлев. Рёва тревожно замычала, но, будто почувствовав опасность, сразу смолкла. Пахом быстро обнаружил и сноровисто ухватил вилы. Младший полицией, оглядевшись, приладил штык к своему карабину.

Они пошли вокруг стога, с силой втыкая с противоположных сторон вилы и карабин со штыком. На замахе лезвие мерцало.

Аля опустила глаза под пристальным взглядом унтера и, готовая ощутить страшный укол своим

телом, считала всё новые и новые удары по стогу. Сейчас?.. Или мимо?.. Казалось, каждый удар то распарывал на ней самой одежду, то скользил по коже, как змея. Всякий раз, когда предстояло идти мимо немцев, она мазала лицо сажей и надвигала платок пониже, стараясь сойти за неопрятную старуху. А вот сейчас, под этим пристальным сталисто-голубым взглядом, ощутила себя голой, беззащитной и опасно молодой. Но это не самое важное. Главное – там, внутри, и если только ей не дышать и не бояться, то всё-всё будет хорошо.

Они трижды старательно обошли стог, пробивая его едва ли не насквозь. Но оттуда не донеслось ни звука.

Младший остановился первым и стряхнул со лба пот.

В этот момент из стога прямо на фонарный свет выскочило что-то стремительное и серое. Автоматчик дал очередь. Пахом повалился в сугроб.

– Eine Maus!.. – захохотал унтер. – Mäuschen! Kommando zurück! Patronen sparen! ²

Пахом, матюгаясь и стряхивая снег, поднялся.

Бросив на бледную Алю ещё один долгий испытующий взгляд, унтер развернулся и указал рукой на дорогу.

Свет скрылся за другим поворотом. Ветер ослабел. Из-за тучи пробился край луны.

Подождав, пока не поняла, что сердце точно не выскочит прямо сейчас, Аля вернулась к хлеву.

Бросившись к стогу, она руками стала разгребать сено. Через минуту пальцы наткнулись на гру-

бую ткань.

– Эй! – шёпотом окликнула она.

Не отзывается. Проткнули, значит. А как ещё? Весь стог прошли.

Руки опустились. Обмякнув, она наклонилась, готовая взвзвить, зайтись во всепоглощающем горестном иступлении.

И вдруг услышала... ровное, чуть посапывающее дыхание. Спит! Протянув обе руки, она стала изо всех сил тормозить его за плечо.

Он резко всего за секунду очнулся и вылез к ней. Стоя на коленях, Аля обтрогала его. Ни кровинки, ни царапины нигде не было. Вдруг она прижала его к себе с материнскими слезами.

– В рубашке родился... В рубашке! – только и смогла выговорить.

– Третьи сутки без сна пошли, навалилось, – стал он оправдываться. – А там тепло – сморило. Ротный бы не узнал.

– Не скажу ему, – против слёз улыбнулась Аля. – Вот, возьми, – она протянула ему сухую горбушку хлеба и молока в железной кружке. – Голодный...

Он отхлебнул.

– Что ж ты сделал-то такого?

– Склад взорвал. Тот, временный.

И правда, – прошлой ночью зарево полыхнуло с другой, не фронтовой, стороны. Ярко. Несколько раз поднималось оно над лесом, будто в невиданный костёр подкидывали новое сухое полено.

– Охраняли ж его?

– Охраняли, конечно. Больше взвода. Сколько после осталось – не считал. Дождлся только, когда

² (нем) Мышь!.. Мышка! Отставить! Беречь патроны!

лошадей выпрягли и отвели в сторону – их вот жалко мне стало. Ну, пора дальше.

– Пройди вдоль деревни, оврагами, – подсказала она. – Там к речке выйдешь, не заблудишься. И до своих рукой подать.

Он сделал два шага и обернулся:

– Как зовут тебя?

– Алевтина.

– А меня...

– Не говори, – она перебила. – Не говори пока. Придёшь с нашими – тогда и скажешь.

Аля перекрестила его вслед.

Метель понемногу стихла. Со всем скоро утро. Где-то в стороне погромыхивают разрывы. В хлеву мычит Рёва. На топчане ворочается с боку на бок бабка Василиса.

Аля успеет вздремнуть час-другой до рассвета. И кажется, она уже знает, что ей приснится её муж Алексей, усатый и статный. Во всём гражданском. До войны. Аля думает, что и ему она смогла помочь этой ночью. И снова, удивляясь, повторяет:

– В рубашке, точно...